

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО¹ (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Лев Гумилев

«Евразийский национализм»

Евразийство – широко используемый термин, при этом настолько же темный, сколь и распространенный. Его используют в географии, истории, политике, экономике, идеологии, при формулировании вопросов безопасности, культурном взаимовлиянии и т.д. Публицисты любят выражения типа «Евразийство – это судьба России», но это ясности не вносит. Сегодня трудно определить даже границы Евразии, не говоря уже о внутренней культурной составляющей, способной объединить разные народы.

Классические евразийцы, начиная с Н.С.Трубецкого, П.Савицкого, Г.Вернадского и заканчивая Л. Гумилевым², не дали однозначного понятия Евразии как культурного явления. Н.С.Трубецкой, наиболее значительная фигура среди евразийцев, в 1927 г. писал: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация и в качестве такой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством»³. В данном контексте национализм звучит не как идеология

превосходства одного этноса над другими, а в смысле осознания разными народами своего единства. К сожалению, в русском языке понятие «национализм» несет негативный оттенок, чего нет в европейских, как впрочем, и в татарском, языках. Л.Гумилев, комментируя позицию Н.С.Трубецкого, отмечает, что «истинный национализм состоит не в заимствованиях у чужих этносов, не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании. Это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами: “познай самого себя” и “будь самим собой”»⁴. Определение евразийского национализма у Н.С.Трубецкого носит эмоциональный характер. Опираясь на него, весьма трудно обрисовать общую культуру Евразии, поскольку континент включает многие народы с совершенно разными языками, религиями, со своими специфическими традициями, обычаями, нормами. Не случайно евразийцы для объяснения причин объединения народов в «евразийскую нацию» обращаются к психологии, которую трудно выразить в точных терминах. Констатация того факта, что Евразия вбирает в себя элементы «европейских» и «азиатских» культур, мало что объясняет. Существуют близкие культуры, которые не могут найти общий язык, например, нет взаимопонимания среди христиан, особенно

между православными и католиками, в то же время православные уживаются с мусульманами.

В истории можно наблюдать, как одни народы сближались, а другие — дистанцировались. Татары и монголы, как и их предшественники хунну и тюрки, постоянно контактировали с Китаем, шла торговля, войны, обмен достижениями. Причем не только кочевники, но и китайцы многое заимствовали у степняков: оружие, еду, одежду и даже моду, в частности прически. Однако в Китае татары не смогли прижиться, а в Евразии — смогли. После падения второго тюркского каганата уйгуры приняли манихейство, карлуки — ислам, басмалы и онгуты — несторианство, тибетцы — буддизм, но китайскую идеологию не воспринял ни один народ. Не случайно была построена Великая стена. Она стала не только физическим, географическим, но также идеологическим барьером между Китаем и Азией.

В то же время существуют народы, которые готовы на совместное житие, невзирая на существенные различия в культуре и поведении. Например, русские и татары, несмотря на многочисленные войны друг с другом, тем не менее создали некий симбиоз или, по словам Л.Гумилева, суперэтнос. Русские находят общий язык с азиатскими, финскими, а также народами Севера. Можно говорить о внутренней симпатии, исходящей от биологической природы народов, но неясно насколько это утверждение будет научным. Л.Гумилев вводит понятие комплиментарности, что можно перефразировать как психологическую совместимость. «Комплиментарность, — считает он, — есть неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами взаимная симпатия различных суперэтносов и даже отдельных персон»⁵. Комплиментарность надо воспринимать как факт, без объяснения причин. В таком случае евразийство в своем определении вновь возвращается к психологии, которая сама требует объяснений.

Евразийцы, утверждая собственный национализм, отвергают общечеловеческую культуру как понятие бессмысленное, направленное против своеобразия народов. «Я отрицаю возможность общечеловеческой культуры», — так формулирует Н.С.Трубецкой идею евразийства о развитии национальной культуры в статье «Вавилонская башня и смешение языков». Исходя из этого же тезиса он предсказывал, что диктатура пролетариата не сможет противостоять развитию националистических и сепаратистских стремлений народов СССР. Л.Гумилев, развивая эти идеи, пишет: «Все разговоры о “приоритете общечеловеческих ценностей” наивны, но небезобидны. Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос. Однако до тех пор, пока сохраняются различия уровней пассионарного напряжения в уже имеющихся суперэтносах, пока существуют различные ландшафты Земли, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, — такое слияние мало вероятно и торжество общечеловеческих ценностей, к счастью, будет лишь очередной утопией. Но даже если представить себе гипотетическое слияние человечества в один гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют отнюдь не “общечеловеческие ценности”, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса»⁶. Пример с наиболее влиятельной в мире англо-саксонской культурой подтверждает слова Л.Гумилева. Это вполне национальная культура и с ней пытаются конкурировать не общечеловеческие ценности, а китайская, испанская, немецкая, французская и другие нации.

Итак, евразийцы объединение народов в некое «братство» рассматривают как свершившийся факт на основе психологической совместимости народов, связанных общностью судьбы и комплиментарностью.

В этническом плане понятие евразийской нации охватывает, кроме

славян, «туранские» или «урало-алтайские» народы. «Мы имеем право говорить о едином туранском психологическом типе, — пишет Н.С.Трубецкой — совершенно отвлекаясь от вопроса о том, обусловлена ли эта общность психологического типа родством или какими-нибудь другими историческими причинами»⁷. К туранским народам евразийцы относят угро-финнов, тюрков, монгол, маньчжур, причем особо выделяют тюркские народы как наиболее ярких представителей данного психологического типа, сыгравших выдающуюся роль в истории Евразии.

Один из наиболее последовательных и интересных критиков евразийцев Николай Бердяев отмечал: «Евразийцы любят туранский элемент в русской культуре. Иногда кажется, что близко им не русское, а азиатское, восточное, татарское, монгольское в русском. Чингисхана они явно предпочитают Св. Владимиру. Для них Московское царство есть крещеное татарское царство, московский царь — оправославленный татарский хан. И в этом близком сердцу евразийцев царстве чувствуется то непреодоленное язычество азиатских племен, то непреодоленное магометанство. Христианство не вполне победило в евразийском царстве. Любовь к исламу, склонность к магометанству слишком велики у евразийцев. Магометане ближе евразийскому сердцу, чем христиане Запада. Евразийцы готовы создать единый фронт со всеми восточно-азиатскими, не христианскими вероисповеданиями! против христианских вероисповеданий Запада»⁸. Действительно, евразийцы рассматривали «латинство» как врага, но сомнителен тезис о близости евразийцам ислама, поскольку вся идейная часть их теории построена на будущем торжестве православия. Что же касается наследия Чингисхана, то евразийцы, действительно, придавали ему большое значение. П.Савицкий особо отмечал также роль татар в становлении Российской державы. В письме Л.Гумилеву он писал: «Русь органически усвоила ту часть монголов, которая в XII—XIV вв.

попала на запад от Мугоджар: переход на русскую службу татаро-монгольских мурз и князей с их дружинниками и слугами в XIV и последующих веках. Как известно, великорусское дворянство, сыгравшее огромную роль в создании великого Русского государства, на 30, 40 и даже более процентов состояло из потомков этих мурз, князей и слуг»⁹. Хотя некоторые евразийцы отождествляли Евразию с Россией¹⁰, но, тем не менее, за исходную точку ее становления брали Монгольскую империю, которая была значительно больше по территории, чем Россия и СССР¹¹. Подход евразийцев был обусловлен географическими, климатическими условиями, этническим составом населения Евразии, трактовкой происхождения России, тесно увязанной с татаро-монгольскими традициями.

В то же время само появление Монгольской империи было подготовлено деятельностью ряда народов, проживавших в Великой Степи, среди которых значение тюркского элемента было значительным с древнейших времен, ведь именно гунны, кимаки, кыпчаки, собственно тюрки составили стержень степной части континента. «С начала нашей эры, — пишет Л.Н.Гумилев, — евразийские народы объединялись несколько раз: хунны, сменившие скифов, Великий тюркский каганат VI—VIII вв., монгольский улус и Россия (в широком понимании термина). Как государственное строительство, так и духовная культура евразийских народов давно слиты в “радужную сеть” единой суперэтнической целостности. Следовательно, любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства»¹². Казалось бы, распад СССР противоречит данному тезису, но следует иметь в виду, что Советский Союз был распущен по политическим мотивам и цивилизационные основания для выхода из состава государства были, пожалуй, только у прибалтийских республик.

Сегодня потенциально объединяющим началом Евразии выступает Рос-

сия, поскольку она занимает основное ее пространство. Не только два континента — Европа и Азия — географически объединяются именно благодаря России, но и ядром евразийской цивилизации выступает русская культура, на что и делали особый акцент евразийцы. Данный тезис справедлив и сегодня, но он не может реализоваться сам по себе, многое зависит от способности элиты России установить необходимые взаимоотношения с туранскими народами как в стране, так и Центральной Азии.

Таким образом, евразийство является мировоззрением, тесно связанным с национальными корнями России, причем не только в лице русских, но и других народов. Особо выделяются по своему влиянию славянский и тюркский элементы, а потому в первом приближении евразийство можно назвать тюрко-славянским симбиозом. На эту главную ось нанизываются другие культуры. Можно было бы выделить третью составляющую в лице финских народностей, но они из-за различий в языке не могут составить такой же монолит, как славяне и тюрки, хотя без них Евразия не может состояться.

При всей привлекательности такой формулы, тем не менее, существует «ахиллесова пята» евразийства. Симбиоз не складывается сам по себе. Совместная жизнь в течение столетий, конечно, выглядит как хороший аргумент для объяснения существующего взаимопонимания между народами, о чем любят напоминать публицисты. Например, И.Василенко пишет следующее: «Уже один тот факт, что веками славяне и тюркоязычные народы совместно переживали крутые периоды в своей истории, уже один этот факт создает между ними тысячи тончайших исторических, культурных, психологических связей, заставляя ясно и реально ощущать общность своей судьбы»¹³. Однако при этом забывается, что история России была богата также на восстания нерусских народов, часто под религиозными знаменами. В наше время в Боснии хорваты, сербы и мусульмане, го-

ворящие практически на одном языке, со столетними традициями совместного проживания, конфликтовали, вплоть до вооруженных столкновений. Значит, совместная жизнь в течение столетий не является гарантией существования «братского союза». Нужны ценности, которые реально скрепляют народы без применения силы.

Европа, прежде чем стать культурной общностью, прошла через жестокие войны между католиками и протестантами. Общий язык они нашли на почве либерализма.

Классические евразийцы исходили из того, что народы Евразии всегда были религиозны и подлинное лицо Россия — Евразия может обрести, только вернувшись к религии и укрепив в себе религиозную стихию. При этом они полагали, что общие ценности будут складываться через добровольное принятие туранскими народами православия, т.е. они исходили из естественной притягательности религии, которая и станет общей основой для всей Евразии. П.Н.Савицкий писал: «Евразийцы — православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который им светит; к Ней, к Ее Дарам и Ее Благодати зовут они своих соотечественников; и не смущает их страшная смута, по наущению атеистов и боготорцев подымавшаяся в недрах Православной Церкви Российской. Верят они, что хватит духовных сил и что борец ведет к просветлению...»¹⁴. В этом тексте больше эмоций, нежели аргументов. Века насильственной христианизации, политика поощрения ассимиляции не смогли побороть ислам и нивелировать этническое многообразие страны. Более того, как только государственное давление смягчалось, начиналось так называемое «отпадение» православных в ислам. В свое время на этот процесс обратил внимание Петр Столыпин, который в своем Представлении в Совет Министров докладывал: «Это отпадение, нанесшее столь значительный ущерб православной церкви, нанесло вместе с тем чувствительный удар до-

стоинству национально-русского начала, склонив в Поволжье нравственный перевес в пользу татарско-мусульманской культуры»¹⁵. Ислам был привлекательным, динамичным и помогал развитию многих народ Поволжья и Азии. Во время заседания Особого совещания преосвященный Андрей заметил, что «в настоящее время Казань важнее Константинополя как центр культурной и издательской деятельности. Даже учебники, употребляемые в Туркестане, изданы в Казани в типографии бр. Каримовых»¹⁶. Озабоченность П.Столыпина вызвало то, что все мусульмане России подпадают под влияние просвещенных татарских имамов: «Татарским влиянием захватываются не только поволжские, приуральские и среднеазиатские полуоседлые и кочевые малокультурные народы, подвергающиеся татаризации, но и все оседлое население. Широкое содействие в этом отношении оказывают конфессиональные школы (мектебы и медресе), огромной сетью покрывающие все пространство, заселенное мусульманами. Руководимые татарским и отатаренным духовенством, а равно уже сформировавшимся кадром светских учителей, эти школы при крайне незначительном числе низших правительственных учебных заведений служат надежными проводниками мусульманской культуры и пантуранского духа»¹⁷. Судебные процессы по делу джидидских (реформированных) медресе не дали желаемых результатов, прогрессивный ислам продолжал наступление. Так было в условиях привилегированного положения православия и законодательного ущемления мусульман.

В условиях «перестройки» началось возрождение религий и нет никаких надежд, что мусульмане сами по себе станут православными. Ислам не менее привлекателен, чем православие. Очевидно, что в этом вопросе евразийцы оказались утопистами.

Позицию евразийцев по отношению к православию критиковали с разных позиций. П.М.Бицилли в статье «Два

лика евразийства» осуждал их за теорию «потенциального христианства», которая объединяет народы по геополитическому признаку. Он определял ее как идею секуляризированной богословской мысли, несовместимой с православием, отмечал, что евразийский вариант религиозного государства не совпадает с традиционным православным государством. Действительно, евразийцы были против союза между государственной властью и официальной церковью, который существовал в России до революции, ибо считали, что это оказало православие, лишило русскую церковь способности к развитию. П.Н.Савицкий писал: «Православная Церковь есть осуществление высшей свободы; ее начало – согласие в противоположность началу власти, господствующему в отделившейся от нее Римской Церкви. И кажется евразийцам: в суровых делах мирских не обойтись без суровой власти; но в делах духовно-церковных только благодатная свобода и согласие суть благие руководители. “Европа” же, в некоторых своих частях, в делах мирских разрушает действительность власти и в делах церковных вводит тираническую власть...»¹⁸.

Другие критики считали, что в евразийстве доминирует культ государственности, что евразийцы в своей концепции выразили не идею христианского государства, а идею государственного абсолютизма. «Склонность евразийцев к пониманию религии, прежде всего как силы социально-организующей и формальной, более исторической, чем духовной, тоже очень напоминает римское отношение к религии, – пишет Н.Бердяев. – Субъективные права личности, более абсолютные по своему значению, чем формы государства, мало вдохновляют евразийцев. О свободе совести они говорят только для того, чтобы отделаться от лиц, которые к ним с этим пристают. На практике же готовы ограничить свободу вероисповедания для католиков. Евразийцев вдохновляет движение коллективов, масс. Это есть пафос не столько духовный, сколь-

ко натуралистический. Государство не есть воплощение на земле абсолютного духа, как думал Гегель, как думали римляне. Государство имеет свою миссию на земле, и христианство освящает начало власти. Но государство всегда не адекватно, всегда греховно и в нем всегда возможно торжество царства зверя. Это царство зверя, Левиафан, обнаруживается и в государствах монархических, и в государствах демократических и социалистических»¹⁹. Как это не покажется парадоксальным, но Н.Бердяев в отношении евразийцев к государству и религии слышит прозападные отголоски: «Пафос организованности и социальности у евразийцев скорее римский, латинский, чем русский».

Православие долгие столетия было животворной идеей, обеспечившей становление и развитие России. Однако слишком тесная связь церкви с государством, именуемая «симфонией», сводилась на деле к обслуживанию интересов державы, поддержке несправедливого строя. Не случайно богоискательство стало уделом писателей и философов, а не церковных структур, оно шло вне официального православия, а порой и против церковных традиций. «Та вера, — писал Лев Толстой, — которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман»²⁰. В какой-то момент православие из собирателя русских земель становится обыкновенным тормозом развития. Прозападнические настроения в обществе во многом отражали и недовольство религиозной ортодоксией. О кризисе духовном писали многие, но, пожалуй, самым значимым фактом стало отлучение Льва Толстого от церкви за его открытые высказывания о несправедности священнослужителей. В грехе жила вся страна, дошедшая до хлыстовства, а отлучили только его. На самой вершине развития русской культуры в лице Льва Толстого, выразителя тектонических сдвигов в русском духе, сама база русской этничности — православная церковь отвергла величайшего выразителя этого духа.

Такая метаморфоза обозначила закат главной составляющей Москвы как собирателя русских земель — духовности.

С подобными проблемами столкнулось католичество много раньше, чем православие, следствием чего стала Реформация. В ходе противостояния папской власти и протестантского движения произошла определенная модернизация и самого католичества. Православие избежало подобных катаклизмов, но и упустило функцию духовного лидера, а богоискательство стало уделом литературы и философии. П.Сувчинский писал: «Было бы ошибочным видеть в современной русской церковной разрухе — назревающий процесс реформации Православия. Если Россия в мятежные века Возрождения фактически не была вовлечена в его опыт и страсти, то это не значит, что русское сознание не прошло исторически, в разных аспектах, сквозь всю совокупность идей Гуманизма. Если же Россия только поверхностно впитала в себя идеологические мотивы Возрождения, то искать объяснение этому нужно в особенностях религиозно-культурного существа русской стихии, которому был и есть чужд весь пафос европейской секуляризации»²¹. Действительно, идеи Гуманизма, Реформации, Просвещения можно было заимствовать в готовом виде, но главная проблема, с которой выступал Мартин Лютер, а именно освобождение религии от давления церковной иерархии, православием не была решена. Европейскую секуляризацию не за что осуждать. Она позволила христианству развиваться без давления государственной власти, опираясь на принцип «богу — богово, кесарю — кесарево».

В русской общественной мысли обсуждали различные проблемы, но они касались в основном самого православия или же неприятия «латинства». Тему ислама выносили «за скобки» обсуждения или же борьба с ним ставилась в политической плоскости. Евразийцы люто критиковали «латинство», но тему ислама всячески обходили. Однако были философы, открыто

ставившие трудные для евразийцев вопросы. Н. Бердяев в связи с анализом евразийства в целом писал: «Все будущее русского народа зависит от того, удастся ли победить в нем нехристианский Восток, стихию татарскую, стереть с лица русского народа монгольские черты Ленина, которые были и в старой России. Можно вполне согласиться с тем, что татарское иго имело огромное, не только отрицательное, но и положительное значение в русской истории, что оно способствовало выработке в русском народе самостоятельного духовного типа, отличного от западного. Но это отнюдь не ведет еще к татарскому самосознанию, к подмене русской идеи идеей туранской. Между тем как у евразийцев исчезают своеобразие и единственность русского духовного типа, русской идеи, русской вселенской христианской идеи. Статичность, которой так упиваются евразийцы в результате реакции против бурных движений нашего времени, есть не русская, а татарско-азиатская статичность. Христианство динамично по своей природе, оно создало бурное движение мировой истории»²². Ислам также придал динамизм мировому развитию, особенно в те времена, когда Европа представляла собой довольно жалкое зрелище. Достаточно сказать, что свободная исламская мысль стала предтечей европейского Ренессанса. Она вернула миру античную философию, развила науки, подняла мировую культуру на невиданную высоту. Первые оригинальные европейские мыслители учились у мусульманских ученых. Без исламской ступени говорить о европейской культуре малопродуктивно.

Конечно, в Новое время исламская философия стала схоластической, богословие и шариат оказались тесно увязанными с национальными традициями отдельных стран, науки не развивались и мусульманский мир застыл. Но это не означает, что источником негативных явлений стал Коран, в котором достаточно простора для свободомыслия, открытости, терпимости, что в полной

мере проявилось в средние века и повторится в будущем. Реформированный ислам (джадидизм) у татар показал свою динамичность. Так что мнение Н. Бердяева о статичности ислама верно только отчасти и относится не к сути религии, а его конкретной практике. Но у него гораздо важнее мысль о вселенской христианской идее, как сути русского духа. Русский народ всегда был тесно связан как с православием, так и государственностью. Отказ от них для народа равносильно потере этничности. Советский период показал, что и без религии русские не теряют своих национальных черт, но при условии, если существуют государственные структуры, поддерживающие культуру.

Евразийцы не смогли ответить на коренной вопрос: почему другие народы должны были добровольно принять православие. История становления Евразии не объясняет всего круга проблем, которые возникают сегодня, а главная из них заключается в формулировке тех норм и ценностей, которые могут стать общими для всего постсоветского пространства от Монголии до Дуная. Как показывает время, сегодня на идеологию православия, как, впрочем, и ислама, полагаться не приходится.

Современные евразийцы понимают, что тюрко-славянский симбиоз предполагает союз православных с мусульманами, в то же время многих российских общественных деятелей пугает мифический пантюркизм (кстати, сам термин изобрели в охранке П. Столыпина) и панисламизм. В последние годы все это увязывается с активностью Турции, которую подозревают в проведении политики пантюркизма. В этих страхах есть, намеренное или ненамеренное, но большое преувеличение – государственные органы Турции больше занимаются экономикой, нежели политикой, а различные организации типа «Тюркской» не выходят за рамки культурных обменов по аналогии с панславянским движением.

Сегодня лозунг борьбы с пантюркизмом поднимают те, кто не понимает

существа вопроса, но опасается конкуренции со стороны тюркских народов. Близость тюркских языков и культур исторически сложившийся факт, от которого никуда не уйти и бесполезно с этим бороться. Если кто-то поставил это целью своей деятельности и если он последователен в своих принципах, тогда он точно так же должен бороться с панславянством, пангерманизмом, англо-саксонской глобализацией, панисламизмом и православным единством. Эти явления одного порядка.

Идеологический вакуум приводит к преувеличению таких мифических изобретений, как пантюркизм, панславянство, панисламизм, или превознесению роли православия в жизни народов. Некоторые авторы говорят об историческом союзе православных и мусульман²³, но достаточно взглянуть на цифры посещающих мечети и церкви в Российской Федерации с тем, чтобы иллюзии рассеялись. По социологическим опросам среди татарской молодежи свыше 80% считают себя мусульманами, но только 2% посещают мечеть не реже одного раза в неделю, 4% — раз в месяц. Откровенных атеистов в Татарстане меньше 1%, но и соблюдающих все религиозные обряды ничтожно мало. Очень немногие (1–3%) посещают занятия по основам религии²⁴.

Естественно, обсуждение темы пантюркизма и панисламизма²⁵ остается в российской прессе «злободневным», но глубинная причина заключается не в мифическом влиянии Турции или арабских стран, а в укреплении позиции тюрков, в частности татар, в самой России.

Стержневая тема современной идеологических процессов в мире — это противостояние либерализма и ислама или в другой формулировке — Запада и Востока. При этом исходят из примеров исламских стран, в которых представлен средневековый ислам, застывший в канонах шариата. Но сам Коран достаточно гибок и современен. В нем заложены идеи свободомыслия, откры-

тости к иным культурам, требование заниматься науками и образованием, т.е. то, что характерно для западной философии. Татары за годы реформации ислама накопили достаточный опыт, чтобы утверждать, что между Западом и Востоком не существует непреодолимых противоречий.

Неоевразийство

В современном евразийстве можно выделить два существенных течения. Одно из них возглавляет Александр Дугин со своими коллегами. Другое — Нурсултан Назарбаев с соответствующими научными, образовательными и государственными структурами Казахстана.

А.Дугин продолжает развивать один из сомнительных тезисов классических евразийцев о романо-германском мире как «злейшем враге» России, называя его атлантизмом. Непримируемость евразийства и атлантизма у А.Дугина задается как аксиома, причем на все времена. А.Дугин противопоставляет СТЕПЬ и МОРЕ как несовместимые геополитические пространства, порождающие два извечно враждующих мира²⁶. Территория в его трудах становится самодовлеющей. Народы сами по себе ничего не значат, они подчинены законам или СТЕПИ, или МОРЯ без каких-либо вариаций. Территорию СТЕПИ А.Дугин окрашивает в религиозные тона. «Самосознание народов и наций, — пишет он, — традиционно населяющих территорию России, коренным образом связано со специфической сакральной географией данной территории»²⁷. Но ссылка на сакральность сделана для «красного словца», а основной лейтмотив связан с геополитикой, сформулированной в милитаристском духе. Даже сам лексикон высказываний А.Дугина пугает агрессивностью: «Тьма народов, народцев, культур и культов бросила нам, русским, смертельный вызов. Запад как цивилизация отказывает нам в праве на то, чтобы мы могли быть иной, отличной от них цивилизацией, — и это война. Наши бывшие братья по

единому государству отказывают нам в том, чтобы уважать нашу силу и наш масштаб — и это война. Западные соседи, поощряемые атлантистским могуществом, угрожающе потрясают нас хилыми рыжими кулачками, — и это война. Азиатские орды косят злым глазом на наши южные и восточные просторы — и это война»²⁸. Дихотомия СТЕПЬ/МОРЕ стала в представлениях А.Дугина самодовлеющей. Ни один народ не может выйти за рамки требований СТЕПИ, никакой свободы воли и собственных интересов. Такой тезис вызывает серьезные возражения.

Само слово «степь» имеет вполне определенную привязку к географии и историческому образу жизни. Оно не совпадает по смыслу с понятием «суша». Степь в свое время породила своеобразную кочевую цивилизацию, благодаря которой стало возможным соединение Востока и Запада. В древней и средневековой степи жили скифы, гунны, сарматы, тюрки, но не славяне. Русские предпочитали реки и леса, в какой-то мере лесостепь. Татары уже в средние века в своей массе стали оседлыми и строили города. Полукочное хозяйство оставалось элементом экономики, но далеко не главным. Только у ногайцев и казахов степь достаточно долго определяла образ жизни.

Историческое значение Степи было в другом. Викинги и русские плавали и торговали по рекам, поэтому русские княжества строились вдоль речных коммуникаций, но такой образ жизни не способен создать империю. Княжества могли быть объединены только благодаря Степи, где жили тюрки. «Всякий народ, — пишет Н.С.Трубецкой, — овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, т.к., господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только

государство, овладевшее всей системой степи»²⁹. Следует также заметить, что в те времена тот, кто контролировал степи, контролировал и города. Изначально Россия могла возникнуть как громадное государство только благодаря тюрко-славянскому симбиозу, на что и указали евразийцы.

А.Дугин предлагает построить евразийскую федерацию, в которой конструкция субъектов исходит из органической, исторически сложившейся общности, объединенной по национальному, культурному, профессиональному и другим признакам. «Субъект “евразийского федерализма”, — утверждает автор, — исторически обусловлен, а не произволен, холистичен, а не дробно индивидуалистичен, связан с общиной, а не с условно выделенным территориальным сектором, основан на непрерывных традициях, а не составлен искусственно. Это федерализм народов и общин»³⁰. При такой трактовке природы субъектов федерации, естественно, для федеральной власти остаются стратегические вопросы: «Федеральное законодательство должно регулировать лишь те аспекты, которые напрямую сопряжены с геополитическими и стратегическими аспектами, в остальном система самоуправления может очень широко варьироваться от региона к региону»³¹. Иначе говоря, центр ничего не навязывает регионам и народам, которые суверенны в своих внутренних вопросах, но не могут претендовать на какую-либо государственность, они полностью подчинены геополитическим интересам федерации в целом. Смысл федерализации, по А.Дугину, максимальное разгосударствление субъекта федерации. «Так как сама логика федерализма предполагает освобождение субъектов федерации от бремени государственности, то в данном случае региональный субъект отказывается от любого намека на *геополитическую* субъектность (т.е. суверенитет), целиком и полностью делегируя ее федеральному центру»³². В этом плане швейцар-

ская модель для А.Дугина неприемлема как из-за суверенности кантонов, так и слабости геополитической позиции страны в целом. «Швейцария минимизирует геополитический суверенитет ради сохранения разгосударственной логики федеративных кантонов», — пишет А.Дугин³³. Однако это утверждение вызывает сомнения, ведь в кантонах есть самостоятельная законодательная, исполнительная, судебная власть, система образования, здравоохранения, полиция и даже внешняя политика в рамках своих полномочий, иначе говоря, в них присутствует большинство признаков государственности. Ссылки на кантоны Швейцарии как полностью разгосударственные сообщества не соответствуют действительности. В целом предложенная А.Дугиным форма федерализма не имеет перспектив и не может стать базой для объединения народов в некое «братство», тем более учитывая, что в России уже сложились республики, а СНГ состоит из независимых государств.

Новым явлением на евразийском поле стал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он, без сомнения, наиболее яркая и позитивная фигура в отличие от А.Дугина. В 1994 г. в проекте «О формировании Евразийского союза государств»³⁴ Н.Назарбаев инициировал новый этап в развитии евразийства не только как мировоззрения, но и интеграционной практики³⁵.

Н.Назарбаев развивает идеи классических евразийцев. Как отметил он сам, «если в моей идее ученые видят какую-то связь с теми [эмигрантами], кто за пределами России думал о ее судьбе, я не возражаю»³⁶. В то же время следует отметить, что если до Н.Назарбаева евразийство ассоциировалось преимущественно с российской проблематикой, то теперь новое евразийство неразрывно связано и с Казахстаном. В казахстанском варианте евразийства исчез антизападный мотив, что является кардинальным поворотом в развитии самой концепции. Благодаря усилиям Н.А. Назарбаева, практика евразий-

ства стала не отдалением от Европы, а, наоборот, взаимодействием с ней на межгосударственном уровне. В своем Послании 2008 г., глава Казахстана предложил разработать государственную программу «Путь в Европу». В перспективе «Казахстан, являясь центром Евразии, — высказался Н.Назарбаев, — будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстро растущими регионами — Китаем, Россией и мусульманским миром»³⁷. Конструктивность позиции Н.Назарбаева не только в его практичности, но и соединении интересов Востока и Запада.

Противопоставление Востока и Запада, которое проходит красной нитью в российском общественном сознании, принесло немало вреда. Сегодня понятие Запада предполагает не только сложившийся романо-германский мир Европы, но также включает США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Идейная основа Запада подкрепляется военной структурой НАТО, наличием общемировой валюты в лице доллара, структурами Европейского Союза.

С Востоком все обстоит сложнее, поскольку «Востоков» много, причем они сильно отличаются друг от друга. Китай, Индию, Иран, Центральную Азию, арабские страны и т.д. можно «объединить» только в противопоставлении Западу, что неконструктивно. Но даже у «восточных» народов есть такие особенности, которые выходят за рамки дихотомии «Восток/Запад». Например, современные татары по складу ума, поведению, образованию скорее европейцы, нежели азиаты, хотя общественное мнение не сомневается, что татары относятся к Востоку. Даже принадлежность к мусульманскому миру не говорит о татарах, что они восточный народ. У татар ислам прошел реформу именно под лозунгом «Вперед к Европе!» и многое из западных достижений (вначале посредством русских, а затем непосредственно) вошло в татарскую культуру. Поэтому к тезису о противостоянии Востока и Запада нужно

подойти весьма критически, ведь даже те, кто критикует Запад, думают по-европейски.

Евразию нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку. Россию нельзя считать периферией Европы, а Монголию – Китая. Между западной и восточной частями Евразии много общего как

в природе (степь и тайга), так и культуре (славяно-тюркская контактная зона). Евразия если даже не самостоятельный континент в географическом смысле, то, несомненно, представляет собой самостоятельную цивилизацию.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Продолжение. – Начало см. Научный Татарстан. – 2011. – № 1.

² Некоторые авторы относят Л.Гумилева к неоевразийцам, однако в содержательном плане по ряду вопросов он хотя и независимо, но пришел к аналогичным выводам, что и евразийцы – эмигранты. Особенно это заметно в оценке исторических событий. В методологическом и содержательном плане Л.Гумилев является неотъемлемой частью течения классических евразийцев. Сам Л.Гумилев признавал свою близость к ним. «С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен, – сказал он в одном из интервью. – Но главного в теории этногенеза – понятия пассионарности – они не знали». (См.: Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 23).

³ Евразийская хроника. Вып. VII. – Париж, 1927.

⁴ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 38.

⁵ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 170.

⁶ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 181–182.

⁷ Н.С.Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993. – С. 61.

⁸ Н.Бердяев. Евразийцы // Евразийский вестник. Книга четвертая. – Берлин, 1925.

⁹ Цит. по: Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 12.

¹⁰ Например, П.Н.Савицкий в работе «Евразийство» пишет: «Евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или “евразийским”». См.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993.

¹¹ Следует заметить, что Советский Союз с учетом сфер влияния в Восточной Европе, Монголии и Азии вплотную приблизился к границам Монгольской империи.

¹² Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 64–65.

¹³ И.Василенко. Две главы российского орла // Российская Федерация. – № 7, 1996. – С. 33.

¹⁴ П.Н.Савицкий. Евразийство // Россия между Европой и Азией... – С. 105.

¹⁵ Проект, не успевший стать законом // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. – № 1/2. – С. 44.

¹⁶ П.А.Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1998. – № 3/4. – С. 76.

¹⁷ Проект, не успевший стать законом... – С. 37.

¹⁸ П.Н.Савицкий. Евразийство // Россия между Европой и Азией... – С. 105.

¹⁹ Н.Бердяев. Утопический этатизм // Путь. № 8. – Париж, 1927. – С. 143.

²⁰ Лев Толстой. Четвероевангелие. – М., 2002, с.6.

²¹ П.П.Сувчинский. Страсти и Опасность // Россия и латинство. – Берлин, 1923. – С. 23.

²² Н.Бердяев. Евразийцы // Россия между Европой и Азией... – С. 102.

²³ Например, А.Панарин считает, что союз России с «братьями-мусульманами» является стратегическим, а будущее евразийское государство должно соединить православие и ислам, извлечь из Библии и Корана только суть и поставить интересы государства выше веры. Только так, в рамках общей высшей миссии, будут защищены православная и мусульманская культуры и обеспечено их согласие. См.: А.С.Панарин. Славяно-тюркское единство. Несущая конструкция российской государственности // Россия и мусульманский мир,

1996. №1; А.С.Панарин. Россия на перепутье: расколы западничества и синтеза евразийства // Россия и мусульманский мир, 1995. №8.

²⁴ См.: Мусина Р.Н. Этноконфессиональные процессы в Республике Татарстан. – В кн.: Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. – Казань, 2001 – С. 261–264. Следует заметить, что цифры по православным мало отличаются от мусульман.

²⁵ Татар порой одновременно обвиняют как в пантюркизме, так и панисламизме, хотя эти понятия взаимоисключающие.

²⁶ У Фридриха Ратцеля и Хэлфорда Маккиндера более обтекаемо говорится о противостоянии разных стихий «Суши» и «Океана». Маккиндер убеждал, что тот, кто владеет «Сушей» (Heartland), господствует над всем миром.

²⁷ А.Дугин. Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии. – М., 1999. – С. 589.

²⁸ А.Дугин. Философия войны. – М., 2004.

²⁹ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 7.

³⁰ А.Дугин. «Евразийский федерализм» в современной России//Главная тема. – М., ноябрь, 2004. – С.96.

³¹ Там же. – С.97.

³² Там же. – С.93.

³³ Там же. – С.90.

³⁴ Назарбаев Н.А. О формировании Евразийского союза государств. Проект. 3 июня 1994 года // Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. – Алматы, 2003. – С. 136–147.

³⁵ См.: Евразийство: от идеи к практике. Международная научно-практическая конференция, посвященная 10-летию Евразийской инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. – Астана, 2004.

³⁶ Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. – М., 1997. – С. 104.

³⁷ Там же.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.